

Магомедов Р.Р., Чогандарян М.Г.
Оренбургский государственный университет
Оренбургский государственный педагогический университет
E-mail: rr-magomedov@yandex

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается историческое содержание такого феномена общественного сознания как «образ врага». Обращение к этой теме продиктовано тем, что образ врага в советском государстве являлся одним из ключевых явлений советской действительности, являлся феноменом общественного сознания. Актуальность темы обусловлена тем, что, «образ врага» продолжает сегодня активно использоваться в практике межгосударственных отношений. Авторы исследуют пути и методы зарождения в сознании советских граждан в первой половине 1930-х гг. представления о «противнике», в качестве которого выступали все капиталистические страны.

Ключевые слова: «образ врага», политическая пропаганда, внешние враги, общественное сознание, миф, стереотип.

«Образ врага» относится к наиболее древнему архетипу общественного сознания, оказывающий существенное влияние на социально-политические процессы на протяжении всей истории человечества. Образ врага во все времена создавался с опорой на особенности человеческой психики. В афоризме К.Юнга «Люди всегда нуждались в демонах и не могли жить без богов» обозначен один из важнейших психологических механизмов формирования «образа врага», получивший название «проекции». Раздражение, страхи, неудачи и внутренние конфликты как отдельно взятого человека, так и общества в целом получают ложное объяснение, и вина за них возлагается на совершенно иное лицо или обстоятельство. Ощущение беспомощности в кризисной фситуации вызывает желание осознать себя жертвой чьего-то злого умысла. Такая позиция, с одной стороны, избавляет от необходимости предпринимать конкретные действия, а с другой стороны дает выход накопившимся отрицательным эмоциям. Образ врага выступает как разновидность социально – политического мифа, который основан на эгоистичном интересе, он имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению зон влияния и захвату власти [6, с. 11].

Энциклопедический словарь «Политология» дает следующее определение «образом врага», это «идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом» [18, с. 234]. В монографии российского историка А.В. Фатеева, «образ врага» представ-

лен как «идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символом враждебных гражданину и государству сил, инструмент политики правящей элиты [23, с.4].

Человеку свойственно переносить любые внутренние трудности и негативные качества на некий собирательный враждебный тип, который олицетворяет силы зла и разрушения. Образ врага дает огромное облегчение для собственной совести. Он же «избавляет общество от моральной ответственности» [8, с.342]. Е.В. Сенявская, изучавшая психологию участников военных действий, уделила большое внимание психологическим аспектам изучения «образа врага». Историк характеризует «образ врага» как проблему восприятия противника, отношение к которой является частью более широкой историко – психологической проблематики «мы и они», «свой – чужой» [20, с.52]. «В пределах вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный «чужой» превращается в реально смертельного врага, – отмечает Е.В. Сенявская, «расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, происходящими от чужого. Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, рассматриваются, как правило, в негативном ключе [20, с.62].

«Образ врага» имеет визуальный характер, он призван заместить собой в коллективном сознании реальной образ представителя другой страны или другой национальности [9].

В общественном сознании враг связывается исключительно с отрицательными характеристиками, которые сознательно гипертрофируются официальной пропагандой. При этом отмечает Е.В. Сенявская, механизм конструирования образа врага универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т. д.), и то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности [20, с. 251]. «Образ врага» выполняет компенсаторскую функцию консолидируя общность «мы» для решения какой-нибудь проблемы [19, с. 11]. Российский социолог Л. Гудков, рассматривает образ «врага» как ключевую составляющую механизма конфронтации мобилизации, являющаяся наиболее комплексным обозначением противника, т. к. актуализировала характерные для общества подсознательные нормы и ценности и установила связи между социальными ценностями и характером отдельного человека. Рассматривая конкретно-исторические образы «врагов», автор рассмотрел, как «совокупность представляемых «врагов» создавала симметричную официальную картину советского общества системе негативных представлений об иной возможной социальной структуре». Гудков отмечал, что образ врага представляет собой аппелятивный фактор, мобилирующий членов общества к солидарности и сплоченности вокруг власти или группового авторитета, которые гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения [6, с. 15]. Ведь именно в образе врага в массовом сознании ассоциируется все несчастья и беды, нарастание дискомфорта, состояние, развал обычного образа жизни, всего общества в целом. Функции врага заключаются в том, чтобы: 1) быть условием (тотальной) постоянной, но исторической мобилизации общества для обороны страны; 2) задавать взаимосоотнесенные фокусы негативной идентификации; 3) «канализировать» страх и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями; 4) дробить, обеспечивать парцелляцию индивидуального сознания с целью подавить критическое, рациональное мышление, добиться полного торжества индивидуального и коллективного сознания [19, с. 39].

Чем же объясняется живучесть образа врага в общественном сознании? Образ врага понятие,

имеющее глубокие корни, уходящие в первобытное сознание человека, которое противопоставляло царство живых царству мертвых, добрые силы злым. Так, в Ветхом завете Богу противостоит и спорит с ним за власть на земле и небе его творение, падший ангел. Само слово «сатана» с древнееврейского переводится как «противник», «враг». И хотя ортодоксальное христианство любую попытку ставить на одну ступень Бога и Сатану считало ересью, человек представлял в себе мир, в котором по одну сторону был Бог, по другую – Сатана; и сам человек разрывался между двумя этими силами. С возникновением и развитием христианства как мировоззрения закономерно появление в сознании верующих антипода Христа – Антихриста. И здесь сказывается логика дуализма: если Богу противостоит Сатана, Сыну Божьему противостоит Сын Сатаны.

Традиционно Антихрист в богословии определяется как «особое лицо, особенно нечестивый человек, который перед вторым пришествием Господа на Землю будет противодействовать Христу и стараться истребить христианство, но вместо того сам погибнет ужасным образом» [3, 118].

Долгое время миф об Антихристе в русской истории существовал только как христианско-богословское учение и не распространялся на светские области культуры и искусства. К средневековой сложилась традиция, по которой отцы церкви, крупные богословы обязательно писали многочисленные «Слова» или «Толкования» о пришествии Антихриста, кончине мира и втором пришествии Христа [24, 35-38].

Примечательно, что в российской истории первое упоминание об антихристе содержится в «Повести временных лет» в записи за 1071 год, где есть рассказ о двух волхвах, верующих в антихриста [17, с. 79-82].

Таким образом, миф об Антихристе во все времена служил средством политической пропаганды и в зависимости от ситуации, героя отождествляли с теми или иными политическими событиями и деятелями.

Важнейшим механизмом формирования в СССР «образа врага» в 1930-е годы являлась пропаганда, которая, по мнению российского социолога Л. Гудкова «воздействует на сознание масс и направляет их социальное поведение в нужном для власти направлении» [7, 560].

Советская пропаганда изначально активно использовала вышеуказанную черту обществен-

ного сознания для конструирования «правильного» мировоззрения у граждан. Картина мира в советской пропаганде основывалась на двух основных способах категоризации — идеологическом (представление о существовании враждебного капиталистического окружения) и социокультурном (представление о Западе как о «другом»). Идеологи советского режима усиленно создавали в сознании народа образ врага, с которым не может быть примирения. Такая идеологическая установка была сформулирована еще в 1917 г. В. Лениным: «Весь мир делится на два лагеря: «мы» — трудящиеся и «они» — эксплуататоры» [12, с. 323].

«Стремление к войнам, к агрессии, к захватам, писал Ленин, вытекает из самой сущности капиталистического государства, построенного на эксплуатации и угнетении, обеспечивающего господство кучки капиталистов над трудящимися» [15, с. 32].

Революционным пафосом наполнено большинство текстов Ленина относительно внешней политики послеоктябрьского периода. «Все, кто не с нами, тот против нас» — так говорил Ленин 11 апреля 1919 года на пленуме ВЦСПС [14, с. 375], перефразировав слова Христа из Евангелия от Матфея: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» [10, с. 30].

Существование Советской республики, говорил Ленин в 1919 г., рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. «Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо по Советской республике будут петь панихиду, либо по мировому капитализму». [13, с. 358].

Оказавшись в качественно новой геополитической ситуации по сравнению с периодом империалистической и гражданской войн, советскому руководству приходилось исходить из новых реалий как внутри страны, так и на международной арене. Одной из существенных внешнеполитических реалий, которую неизбежно приходилось брать во внимание, было враждебное Советскому Союзу окружение и более чем реальная возможность нового нападения на страну.

Идея борьбы с внешними и внутренними врагами являлась эффективным средством формирования мобилизационных идеологических систем и стержнем общественно-политической жизни СССР в 1930-е годы. Одной из особенностей

массового сознания в советском государстве, являлась его мифологизированность. Мифологическое сознание живет и развивается по своим законам. Особенности такого типа сознания является его склонность к упрощенному и одновременно целостному восприятию мира, всеохватывающий характер. Подчинение массового сознания тем или иным мифологическим концепциям наибольшие масштабы приобретает в тоталитарном обществе, аналог которого существовал при Сталине в СССР. Сознание советских граждан наводнялось архаическими представлениями. На основе манихейского мировоззрения возникает фантазмагория невидимого царства зла, хаотического антимира, где происходит то же самое, что и в реальном мире, только со знаком минус. Бросается в глаза близость к демонологическим представлениям Средневековья, согласно которым подчиненные сатаны являются антагонистами небесной иерархии и врагами человека. Как было сказано выше в церковнославянском (и вообще в русской православной традиции), слово «враг» используется для обозначения дьявола. Поскольку сущность врагов — ложь, у них нет реального воплощения. Враги являются перед людьми в масках, которые они по выбору могут менять. Как говорит русская пословица: «У нежити своего облика нет, она ходит в личинах». Они могут выступать в облике мнимого друга или соблазнителя; по народному верованию, они также могут принимать внешность уродливых, гротескных существ или отвратительных нечистых зверей. К примеру, изображение дьявола на иконах в получеловеческом-полузверином облике, черного цвета, с рогами, с хвостом и крыльями, напоминающими о его первоначальной ангельской натуре. Тем самым, происходила «демонизация» врага — он наделялся нечеловеческой, демонической или звериной сущностью.

Советская пропаганда активно использовала механизм языкового манипулирования общественным сознанием, отличительными признаками которого являлась смысловая неопределенность, эзотеричность, и театральность. Немало таких признаков встречается в сталинской демонологии. Разоблаченные «враги народа» осуждаются как «трижды презренные гады», «ужи из смрадного болота», «клубок змей», «бешеные собаки», «псы фашизма», «выродки человечества», «чудовища в образе человека», «фашистские зверства» и т. д. Эти выра-

жения говорят об их нечеловеческом, адском происхождении. Советским гражданам прививался страх, каждый должен был ощутить, что он живет в осажденной крепости, и извне и изнутри враги. К внешним врагам пропаганда относил империалистов и фашистов. Все эти зловещие, иностранные, мало понятные широкому массам людей слова, оказывали суггестивное воздействие на них, и диктовали необходимость перманентной внутренней мобилизации в стране и поддержания в общественном сознании постоянной готовности к войне.

«Список» советских внешних врагов в первой половине 1930-х годов, по сравнению с предшествующим десятилетием не претерпел определенных изменений. В рассматриваемый период в качестве вероятного противника СССР рассматривалось практически любое буржуазное государство. Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР К. Ворошилова так охарактеризовал международное положение: «Сосуществование двух миров, двух друг другу противоположных политико-экономических систем до бесконечности продолжаться не может, и угроза войны будет постоянно висеть над нами». [11].

В начале 30-х годов штабом РККА в качестве реальных рассматривались три варианта будущей войны: - нападение на границы СССР вооруженных сил Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы при поддержке их материально-техническими средствами Великобритании и Франции и при нейтралитете Германии;

- нападение на западные границы Советского Союза вооруженных сил сопредельных государств, частично поддержанных вооруженными силами Великобритании, Франции и других крупных империалистических держав; - нападение одновременно на западные, южные и восточные границы СССР вооруженных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Франции и Великобритании (через Турцию, Персию, Афганистан), маньчжурских милитаристов и Японии [4.с.123].

Япония после захвата ею Маньчжурии в 1931 г. стала восприниматься как самый непосредственный источник военной угрозы для СССР. Советское руководство в условиях индустриализации и коллективизации использовало образ Японии как врага для мобилизации человеческих ресурсов на выполнение постав-

ленных партией задач, для снижения напряженности в обществе, а также для наращивания военного потенциала и укрепления Дальневосточного региона. В связи с этим основной задачей советского руководства на Дальнем Востоке в этот период становится наращивание вооруженных сил, и создание стратегических запасов на случай конфликта с Японией. При этом, советское руководство подчёркивало, что угроза со стороны прочих капиталистических стран продолжает существовать. Более того, если война с Японией ещё можно представить себе как локальную, то в случае конфликта на западных границах Советскому Союзу придётся противостоять, по крайней мере, всей Европе. С приходом к власти в Германии нацистов акценты советской внешней политики постепенно смещаются. Однако, до середины 1930-х гг. Германии в ряду врагов СССР отводилась только вспомогательная роль.

Главным внешним врагом в это время ещё называли Великобританию. Говорилось также о том, что английские империалисты попытаются заключить союз с нацистами, чтобы, воспользовавшись их экспансионистскими замыслами, использовать Германию в своей борьбе против советского государства. Франция и союзные ей страны Восточной Европы временно перестали рассматриваться как внешние враги Советского государства. Считалось, что они не решатся нападать на СССР в условиях возникшей угрозы со стороны Германии. Наибольшую тревогу у советских лидеров вызывала Япония, которая, предположительно, также могла быть использована Англией для провокационных действий против Советского Союза. К внешним врагам советская пропаганда относил также страны Скандинавии и Прибалтики, которые могли оказаться под германским влиянием, и стран Среднего Востока, находившихся под влиянием Великобритании.

На XVII съезде ВКП(б) Генеральный секретарь ЦК Сталин охарактеризовал общую картину международного положения. Развязанная Японией война против Китая обострила обстановку на Дальнем Востоке. Победа национал-социализма (фашизма) в Германии, торжество реваншистских идей привели к усилению противоречий в Европе. Наконец, выход Японии и Германии из Лиги Наций послужил новым толчком к росту вооружений и подготовке новой

войны. Советский лидер подчеркнул, что в создавшихся условиях буржуазный пацифизм «влачит жалкое существование», «дышит на ладан», а капиталистические государства стремительно вооружаются. «Дело явным образом идет к новой войне», [21, с.8-10] – заключил Генеральный секретарь ЦК Лидер советского государства выражал уверенность, что война против Советского Союза «приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и к разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран». [21, с.8-10].

На XVII съезде ВКП(б) Сталин провозгласил, что в условиях нарастающей военной угрозы СССР намерен придерживаться политики мира. В то же время за любыми попытками нападения на Советский Союз, по его словам, неизбежно должен последовать сокрушительный отпор агрессорам, «чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород». Исходя из сталинской концепции, опасность для СССР представляли не отдельные иностранные державы (например, Германия или Япония), а весь зарубежный мир («капиталистическое окружение»). Пытаясь на совещании работников оборонной промышленности (14 июня 1934 г.) разъяснить содержание данного термина, Сталин, в частности, заявил: «...у нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не остановятся» [21, 8-10].

С середины 1930-х гг. сообразно внешнеполитической обстановке, советская пропаганда рассматривала в качестве основных внешних врагов Германию и Японию. Последняя вначале вызывала большие опасения [21, 8-10] затем этот акцент исчез [22, с.38].

В «список» внешних врагов снова была включена Польша, а также Финляндия, страны Прибалтики и Юго-Восточной Европы – теперь уже как предполагаемая германская сфера влияния. Великобритания отошла на второй план, хотя «статус» потенциального противника СССР за ней сохранялся. Довольно сложными и неоднозначными были советско-германские отношения после победы в Германии национал-социалистической партии во главе с А. Гитлером. В Отчётном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. И. Сталин закрепил окончательное направле-

ние советской пропаганды по формированию образа фашистской Германии как внешнего врага СССР [21, с.168-170].

Советскому лидеру вторил Бухарин Н.И., подтвердивший угрозу германского фашизма [21, с.172-174].

Бухарин на Отчётном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) заявил, что существуют два плацдарма контрреволюционного нападения, направленного против Союза: фашистская Германия и императорская Япония. Далее он приводит цитату из книги Гитлера «Майн Кампф»: «Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на восток. Мы кончаем колониальную торговую политику и переходим к политике завоевания новых земель. И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах. Сама судьба как бы указала этот путь. Предав Россию власти большевизма, она отняла у русского народа интеллигенцию, которая до этого времени создавала и гарантировала его государственное состояние. Ибо организация русского государства не была результатом государственной способности славянства в России, а только блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди нижестоящей расы. Миссия Германии – «в прилежной работе немецкого плуга, которому меч должен дать землю». «Политическое евангелие германского народа» в области его внешней политики должно «раз и навсегда» заключаться в следующем: если образуется рядом с Германией новое государство, то «рассматривайте не только как ваше право, но как ваш долг препятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до применения вооруженной силы или, если оно уже возникло, разбейте такое государство!» Будущей целью нашей внешней политики должна быть не западная и не восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения необходимой для нашего германского народа территории». В этой связи Бухарин считает, что Гитлер открыто, призывает разбить Советское государство. «Вот этот звериный лик классового врага! Вот кто стоит перед нами, и вот с кем мы должны будем, товарищи, иметь дело во всех тех громаднейших истори-

ческих битвах, которые история возложила на наши плечи»-резюмирует свое выступление Бухарин.

Таким образом, в первой половине 1930-х годов гг. образ врага в той или иной форме постоянно присутствовал в массовом созна-

нии советских граждан. Его источником были внутри и внешнеполитические конфликты. Советская пропаганда усиленно конструировала в сознании советских граждан образа внешнего врага в лице всего капиталистического мира.

14.02.2013

Список литературы:

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов \ Г.С. Батыгин // Вестник РАН, Т.63. №1.44-45с.
2. Библиейская энциклопедия. М.1990. 346с.
3. Буганов В.И. Мир Истории. Россия в XII столетии/ В.И. Буганов. М.: Молодая гвардия, 1989.318с.
4. Война будущего. М.1925.187с.
5. Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории. Русские земли в XII-XV веках/ И.Б.Греков, Ф.Ф. Шахмагонов. М.: Молодая гвардия, 1986.339с.
6. Гудков Л.Образ врага. Социология/Л. Гудков. М.: ОГИ, 2005. 334с. 7. Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М.: НЛО, 2004. 807 с.
8. Гозман Л., Эткинд А. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М.,1989. С. 337-371.
9. Гусева С.А. Современный политический миф: игра по законам архаики/С.А.Гусева. Режим доступа: <http://www.vapp.ru/docs/politmif/>, свободный.-Заглавие с экрана. – Язык русский.
10. Евангелие от Матфея. Сибирская Благовонница.2010. 310с.
11. Известия. 1930. 17 июня.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.1969.Т.26. 676с. 13 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.1969.Т.38. 595с. 14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.1969.Т.41. 722с. 15. Ленинские принципы внешней политики СССР \Р.Г. Рузакова, И.А. Беспалова, И.Н. Свиридова. М. 1970. 93 с.
16. Молотов В. М. 21-я годовщина Октябрьской революции: (Доклад На торжественном заседании Московского Совета 6-го ноября 1938 г.). М. 1938. с.11-13.
17. Повесть временных лет // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1986. 672с.
18. Политология. Энциклопедический словарь / Ю.И.Аверьянов., С.Г.Айвазова, Т.А.Алексеева, А.П.Андреев, и др.; Редкол.: Ю.И.Аверьянов А.П. Афанасьев, В.С.Глаголев, И.И.Кравченко, Б.Ш.Надилов, И.Н.Пузин. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.431с.
19. Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология/ А.Н.Савельев. М.: Книжный мир, 2010.672с.
20. Сенинская Е.В. Противники России в войнах XX в. Эволюция образа врага в сознании армии и общества/Е.В.Сенинская М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.288с.
21. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января-10 февраля 1930 г. Стенографический отчет. М.1934.300с.
22. Уборевич И. П. Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус, военном округе командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // Военно-исторический журн. 1988. №10. с.80.
23. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954 гг. / А.В.Фатеев. М.: ИРИРАН, 1999.261с.
24. Федотов Т. П. Об антихристовом добре // Путь. 1926. №5. С. 55-66.

Сведения об авторах

Магомедов Рамазан Раджабович, профессор кафедры истории философии и социологии Оренбургского государственного университета, доктор исторических наук, e-mail: rr-magomedov@yandex

Чогандарян Марина Георгиевна, соискатель кафедры всеобщей истории, e-mail: marina_lev_09@mail.ru

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2552, тел. (3532) 372585

UDC 323

Magomedov R.R., Chogandaryan M.G.

Orenburg state university, Orenburg state pedagogical university; e-mail: rr-magomedov@yandex

THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL BASES OF FORMATION OF THE SOVIET EXTERNAL ENEMY IN THE FIRST HALF OF THE 1930TH YEARS

The article discusses the historical content of such phenomenon of public consciousness as «the image of the enemy». The appeal to this subject is dictated by the reason that the image of the enemy in the Soviet state was one of the key phenomena of the Soviet reality, a phenomenon of public consciousness. Relevance of a subject is caused by that, «the image of the enemy» continues to be used actively today in practice of the interstate relations. The authors examine the ways and origin methods in consciousness of the Soviet citizens of idea of «opponent» as which all capitalist countries act.

Key words: image of the enemy, political propaganda, external enemies, public consciousness, myth, stereotype.